

УЧАСТЬ

* * *

На Сретенье – лужи, на Пасху – пурга.
То степи, то чащи лесные.
Что скажешь? «Россия – и вся недолга!
Леса непролазны, круты берега».
Что сделаешь? Это – Россия.

Здесь нет колыбелей... Качают пращи
Камения судеб бедовых.
Здесь тайно не прячут за спины мечи.
И здесь не дают на разжив палачи
Отступникам – тридцать целковых.

На этой земле, где сражаясь, не ждут,
Что к смерти состарится тело,
Доносчику первый достанется кнут,
И люди вовеки его проклянут
За «Слово» его и за «Дело».

Недёшева будет отступников месть,
Забыты заветы Мессии...
Но в этой земле – Благовещенье есть,
Андреевский стяг и праотчая честь,
Чтоб верила в завтра Россия!

Поэт Андрей Шацков хорошо известен читателю. Его стихи не раз публиковались на страницах нашего журнала. Андрей Владиславович отмечает в этом году рубежную дату. Редакция журнала «Дон» искренне желает своему талантливому автору и соратнику новых творческих высот!

Чтоб знала: в черёд зацветет краснотал
Церковный,

от солнечной ласки...

Но будут погосты по свежим крестам,
Словам литии, похоронок листам
Считать не доживших до Пасхи,

И в свиток свернувшись – чернеть небеса.

Кричать, заплутавшая стая...

Но русского края нетленна краса,
Что скажешь? «Россия – кругом чудеса!».
Что сделаешь? Участь такая!

ПОЛУНОЧНАЯ БАЛЛАДА

Качаются лапы прибрежных лесов,
По заводям прячется рыба.
На сердце – тоски полуночной засов.
Бессонницы смертная дыба.

Торопятся страхи, как мыши на сыр,
Как княжьи клеветы на вече.
Как воронов вещие стаи на пир
Остывшей к полуночи сечи.

И жёлтые – светятся волчьи глаза.
Сверкают зелёные – рысьи.
Закатною кровью набухла слеза
Росы,
окольчужившей листья...

Над Северским знамя полощет Донцом
И чёрного солнца верига.
И в небо глядит побледневшим лицом
Бесстрашный и доблестный Игорь.

Затмение тенью легло на траву.
Слетаются тучами враны...
Но целит стрела, растянув тетиву,
В полночные ворога станы.

И топчутся кони, уздами звеня.
Великое кажется малым.
И с честью погибнуть за други своя
Не страшно ему под Каялом.

Не страшно... Осталась доука одна,
Которая горами движет:
Как встретит разлуку с мил-другом жена,
Кто «Слово» в Путивль ей напишет

И будет полуночный длиться правёж
Души,
до рассветного часа.
Покуда молочным туманом на рожь
Опружится месяца чаша.

И тиной затянутся Вия глаза
В бездонной трясине болота,
Когда прозвучат петухов голоса
И вспыхнет крестов позолота,

И степь заалееет стеною щитов,
И двинутся русские рати.
И «Слово» про Игоря – главным из слов
Пребудет в Руси вековати!

СЛАВЯНСКИЙ ТРИПТИХ

I. «ПОУЧЕНИЕ» О ЛЮБВИ

*«Поучение Владимира Мономаха» –
литературный памятник XII века –
написан великим князем Владимиром Мономахом.*

Без любви – не закроется рана.
Без любви – не наступит весна.
Жизнь грустна, как дуа из Корана,
Как акафист о скорби – грустна.

Долгожители, что в вашей доле,
Если солнце идёт на закат?
Если вашей утраченной воли
Не хватает на грома раскат,

Чтоб звенел над встревоженной крепью,
Пригибая к земле ковыли.
И летела над лесом и степью
Неизбывная песнь о любви...

Волос сед, но не дрогнули руки.
Ухвативши за повод коня.
Где-то сзади отставшие внуки
«Воротись!» – окликали меня.

«Желторотые, что вы галдите,
Как птенцы, средь развесистых крон.
К самой первой, единственной – Гите,
Я в Смоленск – на последний поклон»...

Жизнь порою покажется сказкой.
Распахнёт лебедицы крыла.
Ах, какую же стройной и баской
Англосаксов принцесса была!

И какая же только путина
Занесла её в древнюю Русь?..
Родила богатырского сына.
Разделила княжения груз.

И дрожали скуластые ханы,
Побросав многочисленных жён,
Если я в полуночные станы
Лез с дружиною, как на рожон.

А при встречах – горели ланиты,
И шептали с любовью уста
Имя северной женщины – Гиты,
Чьих волос – не белей береста...

Но кончается путь Мономаха
У подножья простого креста,
Где над памятью горького праха
Асфоделью цветёт красота.

И болит незажившая рана,
И белеет рубец средь седин...
Но стрелой в половецкого врана
Метит князя Владимира сын!

За щитом Мономахова рода
Русь растит боевое жнивье!..
И под куполом ясного свода
Кружит лебедем имя ЕЁ!

II. ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНИНА

Вот и август прошёл, и сентябрь настал,
Приближается бабьего лета кончина.
И в бездонные воды, как в чёрный хрусталь,
Замирая, глядится лесная лещина.

Ты возьмёшь мою руку и спросишь: «Зачем
Всё кончается,

осень горька, как оскома?»

И кровавое солнце упало, как шлем,
Перерубленный наполы грохотом грома.

Что отвечу, скажу, что зимы не боюсь,
Если сердце объято любви пожаром.
Чернотропом хазарины ходят на Русь,
И лукавый пути указывает татарам.

Что грешны мы, и летний окончился день.
Что немчинские ветры летят из-за моря.
И легла на полмира от месяца тень
Полумесяца – странам славянским на горе

Убери свои косы под тёмный платок,
Если я не вернусь к тебе ранней весной.
Слышишь, конница скачет, тяжёл её скок.
Это – наши готовятся к смертному бою.

Нас немного, доживших до славных седин,
Кто в преданиях правнукам правду расскажет.
Пусть за мною встаёт твой единственный сын.
Мой – единственный, сгинул в полуночной страже.

Непогожий октябрь воздымает крыла,
И, как стрелы, остры перевозимья метели.
Я хочу, чтобы ты до весны дожидла.
Ратоборцы рождаются в светлом апреле.

III. НА ПРОМЁРЗШЕЙ ТВЕРДИ

Всё пройдёт, когда рухнут снега:
И печаль, и тоска, и тревога.
Заскрежещет в протоках шуга,
И покроет вода берега,
И утонет в разливах дорога.

И весна величаво придёт,
Постучит в крестовину оконца.
И закончит в свой срок перелёт
Белый лебедь, спустившись на лёд,
Исчезающий в мареве солнца.

И крылатой мечтой обуян,
Укрываясь средь духов древлянства,
Буду мукой весеннею пьян,
Посреди заповедных полян,
Где когда-то рождалось славянство!

Пережить эту зиму сумеешь,
Не поддавшись матёрому страху.
И как пращур, отринувший смерть,
Крепко встать на промёрзшую твердь,
Подпоясав льняную рубаху.

Прощай сынок! Я тайну сберегу,
Не рассказав, что снилось в дебрях ночи:
Ковыль дымился кровью на лугу,
И синь дождя стекала павшим в очи.

Крестом простёршим руки средь жнивья,
Застыв навек в молчании суровом...
Зачем уходят к звёздам сыновья,
Не одарив отцов прощенья словом?

ТРОСТНА

Над Русью – мгла! Взыграло небо
Снегов свинцовых пеленой.
И лето минуло, как небыль,
И кануло, как в мир иной.

Всё, что завещано веками –
Незримой брагой бродит тут.
Леса, покрытые снегами,
Безмолвно Рузу стерегут.

В шеломах – ельника вершины,
В кольчуг коре – стволы сосны.
Великокняжие дружины
Ряды смыкают у Тростны.

Застыл вдоль речки полк засечный,
Спиной, упёршись в деревья.
Им путь лежит на облак Млечный,
Но ими – выстоит Москва!

И выйдет в поле Куликово,
Когда придёт заветный час...
А ныне – крест сожми сурово
И встань к своим, где реет Спас...

Ударит смерть стрелой литвина
И выбьет с маху из седла.
Земля!.. Прими в объятья сына.
Что Русь для воли родила!

Глаза туманит слёз обузой,
Но синева омоет взгляд...
Встают дымы над древней Рузой,
И хлопья снежные летят!

* * *

Последние жаркие дни,
Крылатые первые стаи.
Опять загорелись огни...
Рябины – рубинами стали.

Алее рябин – перволёт
Листвы над притихшей стремниной.
В саду гладиолус цветёт,
И строй нерушим – георгинный.

И этот прощальный показ
Империи лета – теплыни,
Останется в сердце у нас
Осадком дорожной пылини.

Останется горечью строк,
Оборванных на полуслове...
И будут снега, как оброк,
Как дань, за волнение крови.

Вот-вот на кострах запалят
Прах, сброшенный ниц древесами,
И дымом замглится мой взгляд,
А может – прощанья слезами.

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

Пейзаж в оконной раме: «Руза спит...»
Морозной вязью – на стекле название.
И даже вьюга – Божье наказание,
Затворницей ушла в еловый скит.

Заворожённый кистью января,
Я не оставлю пост свой полуночный.
На городок из прошлого – лубочный
Ещё не пала робкая заря.

Собака спит. Чело печи в золе.
И Спас глядит пронзительно и строго,
Как утопает в замети дорога,
Как без движенья стилос на столе

Лежит поверх нетронутых бумаг
Предвестником поэмы о печали,
Которой, очевидно изначале,
Название будет: «Горе от ума».

На сотни вёрст, на сотни дней – окрест
Лежит загадкой белое пространство.
И светит с неба полумесяц ханства
На птичий след – на русских вранов крест.

Я эту ночь, что минула без сна
С бесшумною повадкой снежной рыси,
Возьму с собой в заоблачные выси,
Когда придёт последняя весна!

А МНЕ ОСТАЛОСЬ...

Романс

А мне осталось – свечку погасить
И высушить песком прощанья строчки.
И у иконы тихо попросить,
Чтоб отпустила нас поодиночке

Туда, где снова обретёт душа
Свободу от затеянной печали...
В Калужской веши льются из ковша
Лучи звезды на брошенные дали.

А ты повяжешь туже капор свой,
Чтоб подчеркнуть, что всё уже сказала,
И побежит пролётка – мостовой,
Вдоль Брянского старинного вокзала.

Как хорошо, что виден жизни край
Унылой жизни – без любви и света.
И даже если был когда-то рай,
Он был в начале – не в конце сюжета.

Опять над Рузой шелестят дожди
И зависают в небе тучи грозно...
Архангела любви, прошу, не жди.
Архангел Чамуил вернётся поздно...

ОЛЕНЬИ ПРУДЫ

Спят пруды. Свисает снег мохнато
С прибережных веток бахромой.
Здесь вдвоём бродили мы когда-то.
Сколько лет минуло, Боже мой!

В зимней полудрёме и томленьи
Уходило солнце вглубь воды.
Замерзали губы и Оленьи,
Скованные холодом, пруды.

Утишало грай воронье вече...
Млечный путь – неярк и далёк
Фонарями, вспыхнув в этот вечер –
Росстанью на наши судьбы лёг.

Только всё-равно, когда в смятеньи,
Пустоту почувешь за спиной,
Вспомни:

наши два пруда Оленьи
Осиянны тайной неземной.

Где перед тобою на колени,
Не приемля прозы суеты,
Стал поэт, обняв пруды Олены –
Светлые московские пруды.

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Проседают снега, и когда-то, не сразу, не вдруг,
Но однажды настанет такое желанное лето.
Не гляди на меня с укоризной, неласковый друг.
Я уйти не могу. Я останусь с тобой до рассвета.

Межсезонье... Апрель запоздал в этот сумрачный год.
К Благовещенью могут грачи не вернуться на гнёзда.
Ледоход начинается... Только какой ледоход?
В зимнем небе горят в полыньях отражённые звёзды.

И на сердце твоё не приходит шальная весна.
И не бродит в берёзах апрельская терпкая брага...
Мне бы только суметь умыкнуть из медвежьего сна
Ту, которой готова с печальным сонетом бумага.

Слышишь, талые воды напевную песнь завели?
Обнажились прогалы земли, и за светлыми днями
В старый Овстуг вернуться из дальних краёв журавли,
И растаявший пруд, словно луг, процветёт лебедами.

Что имеем – недолго в стихах с посвящением храним.
Потеряем – и память забьётся в мучительном плаче...
А Россия стоит, словно Третий – незаблемый Рим.
В ней любовь не живёт, или просто зовётся иначе.

ИСПОВЕДЬ НА СРЕТЕНИЕ

Пятнадцатое... Близится канун
Грядущей встречи, может быть, последней.
Звонят колокола перед обедней –
Они звонили также в тот июнь,

Когда под Брянском у речной косы
Стояли мы и за руки держались.
И души наши ближе к небу жались,
К неверному созвездию Весы,

Качнувшихся всей тяжестью вериг,
Которых удержать не могут крылья,
Проросшие, как колоса обилье,
Из тёмной сути нерождённых книг.

Но впрочем, что былое вспоминать?..
Пятнадцатое – Сретенье над Русью.
В Нижегородье, полном древней грустью,
Твоя девчушка впору стала – мать!

И встреч не будет... Поводок зимы
В грядущее не пустит из бывшего.
И не поможет заговора слова,
Которое вдвоём шептали мы.

Прощай, тебя зовёт семейный долг.
Так лебеди своим кричат протяжно...
Но это всё до крайности – неважно,
Когда в ушах трубит небесный полк,

Где старший сын, служа среди горних мест,
Оставил на земле кусок гранита,
К которому – отцовская планида –
Нести, превыше силы, тяжкий крест

ВЧЕРАШНИЙ АПРЕЛЬ

Спасибо тебе за вчерашний апрель –
Минувшего счастья осколок зеркальный.
За первой грозы поднебесную трель,
За отблеск последней зарницы – печальный.

Над Рузой метались стрижи, возвратясь...
И вдруг показалось, что это – навеки.
Но лопнула нитью, непрочная связь.
И вспять не вернулись, в минувшее, реки.

Там, в прошлом, остались грехи и дела,
И тягостный груз бытия неликвида.
И в небо, свои поднимая крыла,
Как Сирин, кричала слепая обида.

Спасибо тебе за туманные сны,
Которые душу кручиной согрели...
Зима не отпустит в объятия весны.
Вослед январям – не приходят апрели!

СОН О СНЕГОПАДЕ

Миг юности былой невозвратим.
В ней каждый новый день – подарок царский...
Как трудно жить среди сиротских зим,
Стоящих ныне, сиротой казанской.

Как душен застоявшийся уклад
Седых годов, бегущих с горки – в Лету.
И даже под привычный снегопад –
Не попадешь.

Зимую снега нету!

А хочется, с крыльца – в родную выть,
Покрытую ледовой чечевицей,
Сбежать и слушать, как умеет выть
Матёрая пурга лесной волчицей!

Но сумрачный далёкий небосвод
Разверзла шрамом звёздная прореха.
И значит, снег сегодня не пойдёт.
И значит, вновь земле лежать без снега

В опрелых листьях, брошенных судьбой
Коростю

над волглыми полями,
Где мы бродили в юности с тобой
Морозными Рождественскими днями...

И мне осталось – верить в снегопад,
Как верят в новогодних сказок чудо...
Чтоб тихо падал сорок дней подряд,
Покуда я любовь не позабуду!

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Полуночный шелест ледостава.
На деревьях – иней бахромой.
Ельник, как последняя застава
Между чернотропом и зимой.

Я ещё стою на чернотропе,
С белою щетиной в пол-лица.
Замерзая, всхлипывают топи,
Так и не поверив до конца

В смертный саван, тот, что без обмана
Расстилает первая метель...
Но «выходит месяц из тумана»,
Словно детства солнечный апрель.

Обернусь назад, где за холмами
Там, где дым Отечества плывёт,
Я бежал босым навстречу маме,
Начиная в будущность полёт.

И кружа со стаей снегириной
Над страной, где зреют зеленыя.
Нёс на шее образок старинный –
Тот, что мать надела на меня

Веря в то, что, совладав со тьмою,
Сполохами звёздного венца
Снегири вернутся в дом – зимою,
Чтоб остаться с прошлым, до конца.

ЛИСТЬЯ СУДЬБЫ

Памяти восьмидесятых

Теперь забудется нескоро,
Как мы близ дачного забора,
Стоящего вдоль косогора,
Палили падшую листву.
Обряд воистину престранный,
Но всем понятный, всем желанный,
И лился вермут в круг стаканый,
«Хрусталь» наполнив за черту.

На даче было много света,
Ещё не вздрогнула планета:
От перестроечного лета.
От лихолетья колдовства
А просто – сын у нас с тобою
Рос, с непонятною судьбою.
Его, казалось, за собою
Влекла осенняя листва.

Усвоивши повадки лисьи,
Взлетали бронзовые листья
И за собою звали в выси.
Где плавал колокольный звон.
И облаками-миражами
Неслись крылатыми стрижами...
А сын – годами-этажами
Взбегал по лестнице вдогон.

Я в расставание не верил,
Я закрывал от Бога двери.
Но знал, предчувствовал,
как звери

Кончину чуют естества:

Что занесёт листвою крылатой.
Рождённых, в год восьмидесятый...
И будет дыма столб горбатый,
И обгорелая листва!

АПРЕЛЬСКИЙ ПСАЛОМ

Памяти сына Дмитрия

Что так птицы кружат
 прошлогодней листвою над палом?
Что так пальцы дрожат,
 обнимая огарок свечи?
И Былое Великое
 кажется скучным и малым.
И себя обретаешь
 один на один лишь в ночи.

Это память моя
 о шиповник не хочет колоться,
Чьим заплотом апрель
 оплетает родимый погост.
На который дожди
 из бездонного неба колодца
Пролились на голбец,
 отбывающий вечности пост.

Этой смутной весною –
 от снега до первого грома,
От недели страстной
 и до Радониц светлого дня,
Я в молчанье брожу
 от могильного взгорка до дома –
И обратно, и верую,
 близкие помнят меня.

А в апрельских лесах,
 по которым шатался от века,
Собирая в баклагу
 прозрачный берёзовый сок,
Будет тень одиноко
 скользить по следам человека,
Для деяний которого,
 вышел отмеренный срок.

И останется вязь
неоконченных горестных строчек.
И останутся перья,
опавшие с трепетных крыл.
И останется завязь,
убитая зазимком, почек
Детских душ – тех, чью тайну
для сына Господь не раскрыл.

ИНОЙ АВГУСТ

Лет за двадцать до этого, в веке ином,
Где мой сын подрастал шалуном и задирой,
Так же август, пригорбясь, сидел за окном,
И корпел над задуманной мною «стихирой».

Видит Бог, это он написал, а не я,
Прозревая в грядущем печаль и разлуку,
Как уходят, оставив отцов, сыновья
В поднебесной реки роковую излуку.

И долила к земле незаконченность фраз,
И дрожали сады от плодового стука
Спелых яблок, что падали ничью, на Спас
И катались, как мячики, в росах упруго.

Ныне снова дожди из ранеток и звёзд.
И былинную нить тянет август-историк.
Только там за спиною коростой – погост,
Над которым кружится душа на просторе.

И в молчании, голову свесив, стоишь,
Год за годом, ушедших по пальцам считая.
Ангел-аист и Ангел-скворец,
Ангел-стриж.
Набралась на помин перелётная стая.

И уносится с нею остаток тепла,
И конец – обгоняет по жизни начало...
Бьётся строчка, как бабочка в кромку стекла,
Что однажды под осень ко мне постучала.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Сыну Дмитрию

Неделя сыропустная пуста
В своём коронавирусном затворе...
Горит зима! Горит, как береста.
Но, всеу, нет, не догорает горе.

На солнце купол храма не блестит,
И в смутных снах не обрести Спасенье,
И никого уже не воскресит,
Но лишь простит греховных воскресенье

Прощёное.

Оно, как чистотел
Прижжёт огнём давнишнюю обиду,
Которую забыть не захотел,
Которую не выпустил из виду

Мой сын, ушедший дымом в синеву,
Не вымолвив отцу прощенья слово...
«Прости за то, что я ещё живу»
В России непрощённым жить – не ново!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Обожгло годов минувших болью,
Господи, неужто это я:
Со своею первою любовью
Познаю обманность бытия...

Прядь волос рассыпалась жар-птицей,
На плече покоилась рука.
Пахло в поле – рожью, медуницей.
Ветер нёс дожди издалека.

Ты смотрела с непонятной грустью
На мои мальчишечьи глаза,
И... ушла, а над Великой Русью
Полыхала неба бирюза.

Но остались росстани химеры
Этих светлых, позадавних дней.
И слова любви, как Символ Веры,
Я унёс из юности моей.

Из поры, где всё легко и просто,
Где сбывались сказки и мечты...
И вилась дорога до погоста,
И хранила путь незримо – Ты!

МОЕЙ СОБАКЕ

*Мост Радуги – мифическое место встречи
в загробном мире домашних питомцев и их хозяев.*

Мой рыжий ангел – в светлых завитках,
Прошу, побудь со мной, хотя б полгода.
А там посмотрим, что сильней – порода
Иль птица Сирин, что кричит в кустах

У нашего открытого окна,
Но запертой для всех печалий двери,
Где я любовь свою тебе доверил,
Мой друг с глазами голубого льна.

Твой хвост, как серп небесного ковша,
В пуантах балерины белых – лапы.
И буллой подтвердить собрался Папа,
Что у собаки тоже есть душа.

Аминь ему! И если римский поп
Не лжёт, как пьяный инок, громогласно,
Я заявляю: вовсе не напрасно
Спас Ной собаку в Мировой потоп.

Пусть времени пока размерен бег,
Но знаю – будет горькая минута,
Как та, когда ушла собака Юта
Вслед старшему на радугу навек.

Мой сын – не торопись ни в ад, ни в рай.
Жди на мосту из радуг, на котором
Ты встретишься с отцом за разговором,
Когда наступит бренной жизни край.

Туда не попадёт обычный люд.
Там не нужны ни мытари, ни виза.
Мой рыжий ангел в завитках – Алиса,
Давай найдём на радуге приют!

В ОДИНОКОЙ НОЧИ

Виснет ночь на оконнице нетопырём,
Кружат в клочьях тумана – химеры.
Я живу – не живя отставным декабрём,
Без любви, без надежды, без веры.

И седею, как битый морозом ковыль,
Перепутав и даты и вехи.
И ступаю чугунной стопою, как Вий,
Не открывший свинцовые веки.

И с закушенных губ, побелевших, как мел,
Не прольются о счастье рулады.
И за то, что тебя убережь не сумел,
Ждать не стоит от жизни пощады.

Убережь не сумел, не хотел, иль не смог?
Или просто оставила сила?
Мама спит, спит отец, спит надёжа-сынок –
Всех укрыла сырая могила.

Я не знаю – за тучами есть небеса?
В райских куцах хватает обилья?...
Почему так грубы литии голоса,
Перепончаты ангелов крылья?

Свистнет ветер в глаза облетевшей листвою,
Беспощадный в своём приговоре...
И взовьётся печаль полуночной совой,
И останется боль – больше моря.

За окном – снеговой,
и тихонько теплится лампада,
Освещая в углу
непонятных святых образа.
Подойду, поклонюсь,
если бабушке этого надо,
Чтоб у ней не дрожала,
на краешке глаза слеза.

Помолюсь за прародича,
павшего возле Сморгони
В непонятной дали,
укрываемой бездною дней.
И услышу – звенят
удилами без всадников кони,
Те, что стали предтечей,
восставших из ада коней.

Засыпает мой дом,
и, поддавшись теплу и покою,
Позабуду, что снилось
в ребячьем рождественском сне...
Только время придёт,
и, как инок над вязкой строкою
Я склонюсь в подступившей,
недоброй ночной тишине.

А над Рузой плывут облака
и густые туманы,
И на восемь сторон
шлёт лучи Вифлеема звезда.
И с холма над рекою
увидятся дальние страны –
Те, в которых бывать
не придётся уже никогда.

И потянут в былое, назад
 родовые вериги,
Словно гирьки от ходиков
 вставших когда-то, бог весть.
И покроются призрачной пылью
 забытые книги
Те, что я не успел написать
 или просто – прочесть.

г. Руза